

В. К. Кантор

Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью

Определение позиции

Существуют в истории мысли фигуры, мыслители, стойкость которых наперекор любым обстоятельствам, верность утверждаемой идее остается, не может не остаться легендарной. Это и лютеровское: «на том стою, и не могу иначе», это и фраза Струве: «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». По справедливому замечанию Семена Франка: «Для того чтобы проповедовать это, надо было в те времена иметь изрядную долю гражданского мужества»*. Казалось бы, столько опровержений этой позиции приносили реальная действительность и попытка самодержавия сдерживать буржуазно-демократическое развитие России и победа большевиков. Сам Струве горько, даже весьма горько иронизировал: «Я знаю, что принято во всех переживаемых нами бедах винить либо старый порядок и старую

* Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 399.

власть, либо большевиков. Я последний склонен оправдывать старую власть, которая, ради сохранения своих отживших привилегий, преступно задерживала культурное и политическое развитие нации. Мое отношение к большевикам тоже достаточно известно. Но если всероссийский погром 1917 г. угодно называть русской революцией, то я скажу прямо: главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной»*. Но он остался верен продуманной, а потом и выстраданной идее.

Струве хотел видеть Россию великой. В этом смысле он был государственный, склонный принять и имперское наследие за наследие будущей России. Возможно, немалую роль сыграло в этой тяге Струве к государственности его реальное происхождение — все же сын пермского губернатора. Вполне серьезно этот факт обсуждал ближайший друг мыслителя Семен Франк: «П. Б. — отчасти, вероятно, по своему происхождению из дворянско-бюрократической семьи (отец его был губернатором), отчасти по внутреннему призванию к политической мысли — нес в себе и проявлял с самого начала зародыш совершенно иного, именно ответственного, положительного, творческого политического образа мыслей, отчетливо выделявшегося от обычного <...> рабского сознания (которому суждено было — увы! — практически восторжествовать и определить судьбу России). Он рассуждал всегда о политике, можно сказать, не “снизу”, а “сверху”, не как член поработанного общества, а сознавая себя потенциальным участником положительного государственного строительства. Все дальнейшее его политическое развитие было только последовательным выражением этой его исконной, как бы органической установки»**.

Собственно, государственнику Струве противостоял государственный Ленин***. В чем же была их разница? Что писал о

* Струве П. Б. В чем революция и контрреволюция? // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 257.

** Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 450–451.

*** Как писал сам Струве: «В сущности, в лице Ульянова-Ленина и моем столкнулись две непримиримые концепции — непримиримые как морально, так и политически, и социально. Каждый из нас понимал это в то время, но смутно; лишь позже мы отчетливо осознали это» (Струве П. Б. Мои встречи

государстве Струве? И как строил его Ленин? А главное, конечно, это способ влияния на массы, не на умы, ибо у массы ума нет, а на те ее инстинкты, которые оказываются решающими в политической борьбе.

Можно начать с эпохи легального, или «литературного», марксизма, когда Струве выдвинул свой лозунг о необходимости выучки у капитализма. Это было смело, но многие марксисты эту смелость готовы были разделить. Боролся с народничеством, писал о развитии капитализма и Ленин. Ибо поначалу марксизм был реальным либеральным, но действенным западничеством, которого так долго ждала Россия, как полагал Франк. И Струве здесь был в отличие от Ленина жестко последователен: «Основной пафос самого его “марксизма” заключался в западническом либерализме, в вере в прогрессивное значение западноевропейского “буржуазного” строя и соответствующих ему либеральных политических учреждений и порядков»*. Но в некий момент, а именно связанный с революцией 1905 г., он приходит к убеждению, что осуществить эти идеи ему как либеральному западнику и либеральному консерватору возможно только изнутри государства, не ломая его, но перестраивая. Поэтому начнем с нашумевшей статьи Струве «Великая Россия», в которой он выдвинул положение, ошеломившее его радикальных друзей: «Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т. е. не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно “внешней” мощью. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (de facto) добычей для государства сильного»**.

и столкновения с Лениным // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2 т. Т. I. М.: Искусство, 1994. С. 388).

* Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 400.

** Струве П. Б. Великая Россия // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 183.

Позиция Ленина, как мы знаем, претерпела немалую эволюцию в зависимости от возможности захватить власть: тогда он легко менял и позицию, и лозунги. Готов был договариваться с государствами-врагами России, жертвовать территорией и пр. Но, строя деспотию, он рассчитывал (и расчет оправдался), что неимоверной жестокостью он принудит народ к подчинению внутри страны, а затем, опираясь на энтузиазм и покорность ослепленных масс, вернет и все потерянное.

Таких задач Струве перед собой ставить не мог, рассчитывая на естественную эволюцию конституционной монархии в буржуазно-демократическое государство. Немалые надежды давали на то и реформы премьера Столыпина. Поэтому Струве чувствовал себя почти законодателем в этой статье. К тому были основания. Но было и непонимание психологии масс и национальной психологии. Он, однако, уже почти чувствовал себя правителем, распоряжающимся судьбами народов, не давая им права на свободный выбор своей судьбы: «В том экономическом завоевании Ближнего Востока, без которого не может быть создано Великой России, преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников. Таким образом, нам ради Великой России нужно создавать таких евреев и широко ими пользоваться»*. Евреев никто не спрашивает. Тут явный выигрыш Ленина в восприятии тех же евреев, да и других народов, с его лозунгом фальшивым, но действенным: «О праве наций на самоопределение».

Тут стоит сослаться на исследование Пайпса, вполне отчетливо показавшего принципы антиимперской политики Струве: «Струве всегда ощущал себя русским националистом. Достижение политического освобождения и культурного процветания русского народа — вот, что было великим делом всей его жизни. Интересы же населявших Российскую империю национальных меньшинств не вызывали у него ни малейшего понимания. Он был согласен, что Финляндия и Польша имеют право на автономию и даже на независимость. Однако, когда украинцы, мусульмане, грузины или какие-либо другие живущие на территории России национальные меньшинства устами своей интеллигенции требовали предоставления им их исконных национальных прав, у Струве это не находило ни малейшей

* Там же. С. 191.

поддержки. Для него все они, в конечном итоге, были русскими и в качестве таковых должны были быть уверены, что все их нужды будут удовлетворены лишь тогда, когда Россия станет свободной страной. Иными словами, доминирующей национальностью в будущей свободной стране должны были быть русские. В этом смысле проживавшие в России евреи тоже были для него русскими. И их прямая обязанность заключалась в том, чтобы помогать делу освобождения России от атакизмов самодержавия; все же, что отвлекало их от выполнения этой первоочередной задачи, моментально вызывало у Струве раздражение и презрение»*. Разумеется, в России, где все народы держались имперской идеей равенства наций перед императором, этот националистический, полуславянофильский посыл не мог в конечном счете не сыграть против Струве, особенно в период революционного подъема малых наций.

Правда, все распорядительные интонации в словах Струве объяснялись тем, что в этот момент, особенно после начала реформ Столыпина, он был почти уверен в необратимости буржуазного развития страны. А оно предполагало, по его мнению, своей основой свободу. В этом контексте он видел и еврейскую проблему: «Нельзя закрывать себе глаза на то, что такая реформа, как “эмансипация” евреев, может совершиться с наименьшим психологическим трением в атмосфере общего хозяйственного подъема страны. Нужно, чтобы создался в стране такой экономический простор, при котором все чувствовали бы, что им находится место “на пиру жизни”. Разрешение “еврейского вопроса” таким образом неразрывно связано с экономической стороной проблемы Великой России: “эмансипация” евреев психологически предполагает хозяйственное возрождение России, а с другой стороны, явится одним из орудий создания хозяйственной мощи страны»**. Не случайно Бердяев называл Струве того периода жестко, но внятно «представителем марксизма буржуазного»***.

Последнее время в нашем политическом шоу-пространстве часто рассуждают о необходимости нового консерватизма (ибо

* Пайпс Р. Струве — Биография. Струве: левый либерал, 1870—1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 495.

** Там же.

*** Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 84.

таков был приказ из властных структур), не очень понимая ни смысла этого понятия, ни, что важнее, представляя его традиции в русской истории. Струве, бывший, видимо, последним великим консерватором в России (но либеральным консерватором, где слово либеральным надо подчеркнуть, стоит назвать еще хотя бы Б. Н. Чичерина, чтобы обозначить традицию), прекрасно понимал, что консерватизм не означает ни стагнации, ни желая «подморозить Россию». Леонтьева он не просто ценил, но любил, называя его, однако, не консерватором, а «гениальным реакционером», с восторгом говорил о его «вызывающей формуле», что Россию нужно подморозить. Но, как он увидел, мечта Леонтьева о подмораживании России реализовалась парадоксальным образом в политике победивших большевиков, сначала Россию растопивших до полного хаоса, а потом заморозивших ее «в коммунистическом рабстве и советской нищете»*. Много ближе к Струве по позиции и мысли был Столыпин, реформ которого так боялся Ленин. Именно Столыпин и произнес в Государственной думе 10 мая 1907 г. знаменитые слова: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»**. Эти слова Струве с удовольствием цитирует в своей статье, крестьянскую программу его, как выяснилось чуть позже, принимает полностью, пока же так определяет свою консервативную, но работающую на приумножение силы государства идею: «Великий народ не может — под угрозой упадка и вырождения — сидеть смирно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира»***. Любопытно, что в том же году Столыпин в письме к Л. Н. Толстому, противнику реформ, сформулировал поразительно внятно свою позицию: «Искусственное в этом отношении оскорпление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. <...> А бедность, по мне, худшее из рабств»****.

* См.: Струве П. Б. Клич освобождения: реакции под личиной революции // Россия и славянство. Париж, 1932. 1 декабря.

** Столыпин П. А. Избранное. Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 136.

*** Струве П. Б. Великая Россия. С. 185.

**** Столыпин П. А. Избранное... С. 142.

Существенно, однако, подчеркнуть методологическую посылку Струве, разводящего идею государства и носителей власти: «Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством, так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти. С двух сторон, из двух, по-видимому, противоположных исходных точек пришли к одному и тому же противогосударственному выводу»^{*}. Позиция Струве здесь важная и ответственная во все времена. Причем больше всего волновало его отчуждение от государства интеллигенции: «Великая Россия для своего создания требует от всего народа и прежде всего от его образованных классов признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо созидать Великую Россию значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной»^{**}. Но, казалось бы, во все времена интеллигенция не там, где власть. Идя во власть, интеллигенция теряет независимость духовную и независимость мысли, т. е. то, что и делает ее интеллигенцией. Но, во-первых, во власть Струве интеллектуалов не звал, он и сам туда не шел, с презрением относясь и к правительству, и к революционным вождям. Во-вторых, речь шла о позиции поддержки правовых устремлений правительства, если таковые будут. И, в-третьих, он прекрасно видел, что только при поддержке образованного общества государство имеет шанс на свое развитие во всей своей целостности: «Политика власти начертана ясно идеалом Великой России. То состояние, в котором находится в настоящее время Россия, есть — приходится это признать с величайшей горечью — состояние открытой вражды между властью и наиболее культурными элементами общества. До событий революции власть могла ссылаться — хотя и фиктивно — на сочувствие к ней молчаливого народа. После всего, что произошло после Первой и Второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрыв власти с наиболее культурными элементами общества есть в то же время разрыв с народом. Такое положение вещей в стране глубоко ненормально; в сущности, оно есть тот червь, который сильнее всего подтачивает нашу государственную мощь»^{***}. То есть без интеллигенции опора на народ бессмысленна. Можно

^{*} Там же. С. 188.

^{**} Там же. С. 189.

^{***} Струве П. Б. Великая Россия. С. 189—190.

добавить еще и четвертую причину, как бы мистически и символически она ни выглядела. Слишком значительно имя Пётр для русского государственного деятеля. Был Пётр Великий, направивший Россию по европейскому пути, был Пётр Столыпин, который для продолжения европейского пути думал о создании буржуазного слоя в крестьянстве. И, наконец, Пётр Струве, думавший о пользе для государства европеизации, буржуазного развития, но добавлявший важнейший компонент — необходимость правовой демократии. Именно правового начала и не видел он в интеллигенции.

Интеллигенция и власть

Это дает нам ключ для понимания его как бы антиинтеллигентской веховской позиции Струве. Типологический аналог интеллигенции в русской истории Струве находит в казачестве, которое почти два столетия было носителем противогосударственного «воровства», как в XVII, так и в XVIII в. Как он пишет, казачество в то время было не тем, чем оно является теперь: не войсковым сословием, а социальным слоем всего, более далеким от государства, и всего, более ему враждебным. «Пугачевщина, — замечает Струве, — была последней попыткой казачества поднять и повести против государства народные низы. С неудачей этой попытки казачество сходит со сцены как элемент, вносящий в народные массы анархическое и противогосударственное брожение. Оно само подвергается огосударствлению, и народные массы в своей борьбе остаются одиноки, пока место казачества не занимает другая сила. После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который — как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении — в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент — интеллигенция»*. Однако казачество стало действенным государственным элементом, когда государство нашло к нему подход, не уничтожив его вольности, но включив в государственную систему, которая после петровских реформ стала более гибкой.

* Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 165.

Пока же, как некогда у казачества, «идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»^{*}. Насколько это непреодолимо? Струве не обвиняет интеллигенцию как нечто безнадежное по сути, как делал его соавтор по «Вехам» Гершензон, он рассчитывает на социальную переструктурировку общества, при которой интеллигенция, сохранив свой интеллектуальный потенциал, сумеет стать полезной государству. Более того, по справедливому замечанию современной исследовательницы, «он всю жизнь продолжал считать виновниками Октября две стороны: самодержавие и интеллигенцию»^{**}. Он, правда, опасается безрелигиозности интеллигенции, несмотря на ее героизм и подвижничество (как определил пафос интеллигенции С. Булгаков), по вполне внятным причинам. Без Бога, полагает Струве, человек не может быть свободным. Несвободный человек даже в своем героизме — это раб. И может привести страну только к рабству. Он был уверен, что «неотъемлемым элементом всякой религии должна быть, не может не быть вера в спасительную силу и решающее значение личного творчества или, вернее, личного подвига, осуществляемого в согласии с волей Божьей. Интересно, что те догматические представления новейшего христианства, которые, как кальвинизм и янсенизм, доводили до высшего теоретического напряжения идею детерминизма в учении о предопределении, рядом с ней психологически и практически ставили и проводили идею личного подвига. Не может быть религии без идеи Бога, и не может быть ее без идеи личного подвига»^{***}. Без интеллигенции не создать мощной России, но интеллигенция должна быть ответственной.

А это означает, что *должно прекратиться идолопоклонство перед народом*, ибо, по сути дела, это или самообман, или обман народа, который может решить, что он Бог и что ему «все позволено». Струве оказался не понят, хотя идея его была проста и ясна: «Говоря о том, что русская интеллигенция идейно отрицала или отрицает личный подвиг и личную ответствен-

^{*} Там же. С. 166.

^{**} Руткевич Н. А. Русский либерализм в эмиграции: социально-философский анализ творчества П. Б. Струве и П. Н. Милюкова. М.: Радио и связь, 2002. С. 41.

^{***} Там же. С. 168.

ность, мы, по-видимому, приходим в противоречие со всей фактической историей служения интеллигенции народу, с фактами героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение. Но нужно понять, что <...> когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу, т. е. ко всякому лицу, независимо от его происхождения и социального положения. Аскетизм и подвижничество интеллигенции, полагавшей свои силы на служение народу, несмотря на всю свою привлекательность, были, таким образом, лишены принципиального морального значения и воспитательной силы. <...> Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач. А так как народ состоит из людей, движущихся интересами и инстинктами, то, просочившись в народную среду, интеллигентская идеология должна была дать вовсе не идеалистический плод. Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию». Само собой разумеется, в этом контексте определилась и его позиция, что «вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия»*.

А страна менялась. Впервые в истории русская буржуазия стала выходить из-под опеки государства, избавляться от ощущения, что она существует лишь по милости верховной власти и при обязательном условии не вмешивается в реальную политику. Немалую роль сыграл Струве в самоопределении позиции у этого класса: «Благодаря взглядам, которые Струве пропагандировал со страниц *“Русской мысли”* и других идеологически родственных изданий, — пишет Ричард Пайпс, — он наладил тесные контакты с кругом молодых и богатых московских предпринимателей, первых за всю русскую историю представителей своего класса, имевших смелость высказываться по политическим вопросам и даже претендовать на управление страной. То была “буржуазия” в классическом марксистском смысле слова, осознающая свои классовые интересы, экономически дина-

* Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 175.

мичная и политически амбициозная, которая, исходя из неразрывной связи своего благополучия с процветанием России, не собиралась более молчаливо сносить господство анахронической знати и бюрократии»*. Тем не менее массы ждали не просвещенного идейного вдохновителя, но «вожака», если угодно, даже «атамана», который мог бы и умел приказывать. Этого Струве, видимо, не умел и не любил.

Удивительно точно осознал облик, образ, смысл Струве как явления Василий Розанов. В «Мимолетном» (1915) он написал:

«30. IV.1915

В Струве живет идея честного порядка.

Он *очень любит Россию*.

Но отчего же он “неудачен на Руси”.

Он любит Россию нерусскою любовью.

Ему можно быть благодарным, но его нельзя любить.

Трагическое — не крупное, но трагическое лицо в нашей истории.

Ему “удавалось”, когда он плыл в нелепой революции. Т. е. хотя был сам и разумен и целесообразен, но поместил этот разум и эту цель внутри нелепого явления, нелепого процесса. <...>

Умом Россию не понять»**.

Вожди и массы

Именно поэтому он уходит от роли возможного вождя, ибо боится и деспотизма, и охлократии. Он хочет понимать Россию умом, а это ему не удается. «В новые “вожди” я не могу попасть и не попаду. <...> Той роли, как бы ее ни характеризовать, которую я играл прежде и в русском марксизме, и в освободительном движении, я не могу и не хочу играть. <...> Рецепты получения винограда личного политического успеха, вообще говоря, настолько несложны, что, право, и тянуться к этому винограду не приходится, он сам дается в руки тому, кто сумеет проделать необходимые телодвижения и произнести потребные звуки. “Вождем” можно быть лишь тогда, когда либо “тол-

* Пайпс Р. Струве — Биография. Струве: правый либерал, 1905—1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 227.

** Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год // Начала. 1992. № 3. С. 11—12.

па” покорно следует за тобой, либо ты сам приспособляешься к толпе. Но абсолютно покорной толпы не существует, и поэтому вести других всегда значит идти с другими, приспособляться к ним. Без приспособления нет “вожаков”»^{*}.

Я не случайно поставил в заглавие статьи слово «утопия». Ибо утопия — это та страна, которой нет. России буржуазно-демократической не было. Попытка создать ее, попытка превратить утопию в реальность уже виделась. До начала Первой мировой войны Россия двигалась к тому, чтобы стать «новой Америкой», как определил ее Блок, страной развитой промышленности и всеобщей грамотности, со свободными крестьянами, имеющими свои земельные наделы. Надо отчетливо сказать, что катастрофа России случилась оттого, что было проиграно в свое время буржуазное развитие страны, при котором Струве был бы реальным лидером. До Октября, особенно в период Столыпина и до 1914, его позиция, казалось, впервые в истории России не только в идее, но и в реальности имела шанс на осуществление. Сошлюсь опять на американского исследователя: «Накануне Первой мировой войны в России шел довольно бурный процесс объединения различных либеральных элементов, разочаровавшихся в радикальном либерализме Конституционно-демократической партии и отстаивавших консервативную трактовку либеральной идеи, которая предполагала сочетание сильной власти, социальных реформ, законности и активной внешней политики. Струве после негативного опыта двух думских созывов, решивший уйти от политики, в данном процессе не участвовал. Вместе с тем его публикации играли ключевую роль в формулировке программы нового политического течения; в силу этого, пусть даже сохраняя некоторую дистанцию, он вновь занял привычное место в авангарде российской общественной жизни»^{**}. Да, Струве мог стать реальным не вождем, разумеется, в буржуазно-демократическом движении «вождизм» все же не предполагается, но идейным лидером. К тому были все основания.

Ничего этого не случилось. Развитие было абортировано войной, выход из которой в сторону большевизма решили солдатские массы. Но здесь недостаточен был просто трезвый подход к си-

^{*} Струве П. Б. На разные темы // Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 235.

^{**} Пайпс Р. Струве — Биография. Струве: правый либерал, 1905—1944. С. 234.

туации, без учета всегда существующих в истории неожиданностей, будто не было предшествовавших веком русской истории, когда подобные утопии так и оставались утопиями. Просто через неожиданности реализовывалась парадигма страны. Это после Октябрьской революции Струве понял и сформулировал весьма отчетливо: «Владимир Ильич Ленин-Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого герцогиня курляндская Анна Иоанновна, победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добывавшееся вольностей, но боявшееся “сильных персон” шляхетство, и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью. Своим основным содержанием и характером события 1730 г. имели для политических судеб России роковой предопределяющий характер. <...> Самодержавие, отказав культурному классу во властном участии в государстве, вновь привязало к себе этот класс цепями материальных интересов, тем самым отучая его от политических стремлений и средств. <...> Дальнейший ход политического развития России определился событиями 1730 г. Верховная власть в течение XVIII и XIX вв. окончательно осознала себя как силу, независимую от “общественных”, сословных в то время элементов, и отложила в такую силу. А общественные элементы за это время <...> все больше и больше отчуждались от реального государства, ведя с ним постоянно скрытую, подпольную, а временами открытую революционную борьбу»*. Струве хотел, чтобы интеллигенция впряглась в государственную работу, но накал революции был слишком силен, что его разумные речи были воспринимаемы хоть как-то. Противники Струве (даже после того, как и сами были изгнаны Лениным) позволяли себе вспоминать о мыслителе с иронией, хотя и отдавали должное его профессионализму. Говоря о его выступлении в Предпарламенте, меньшевик Суханов писал: «Из правых был интересен, как всегда, Петр Струве, выступавший от “общественных деятелей”. Политически это было так же убого и гораздо более бессодержательно, чем у Милюкова. Но как ли-

* Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 462–464.

тературное произведение человека, привыкшего к интенсивной мысли в кабинете, как profession de foi высококультурного и талантливоего реакционера, эта речь была замечательная»^{*}.

Магизм и причины поражения

Но уход в историю не до конца все же объясняет, какой механизм позволил регенерировать классическую парадигму русской истории. И тут мы вступаем на немного скользкую, но, по видимому, до сих пор плодородную почву. Я имею в виду роль масс в творении истории, но масс не в марксистско-ленинском понимании, а тех масс, о которых писали Ортега-и-Гассет, Бердяев, Степун, тех, что вышли на историческую арену, не выйдя еще из языческого прошлого, не пройдя школу христианства, преодолевшего магизм и суеверие. О народе было много мифов, именем народа клялись, именно народ, названный пролетариатом (характерная магическая подмена), станет символом большевистской власти. Не случайно позже враги власти станут «врагами народа». Самодержавие тоже пыталось опереться на народ, отсюда формула: «православие, самодержавие, народность». Струве не принимает обожествления народа, он рационален и ироничен: «Чрезвычайно опасным по своей многосмысленности является понятие “народа”, а также и “класса”. <...> “Класс” есть, прежде всего, какая-то логическая и в этом смысле “искусственная” категория. Какие угодно единицы можно объединить в какие угодно классы. <...> Те же трудности, что для понятия “класс”, возникают и для понятия “народ”. Между тем в это понятие обычно вкладывается наперед какое-то значительное и решающее содержание и так создается особого рода самовнушение или автогипноз. Все политические партии, все социальные учения апеллируют к “народу” и ссылаются на него»^{**}.

Выход же на историческую арену народа как решающей силы, что было определенно сказано в сборнике «Из глубины», вызвал к жизни ту часть народной души, которая была прикрыта тонкой пленкой христианства, — магическую душу. «Рев племени»

^{*} Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М.: Республика, 1992. С. 254.

^{**} Струве П. Б. Познание революции и возрождение духа // Струве П. Б. Избранные сочинения. С. 354.

(В. Муравьев), «Перуново заклятие» (И. Покровский), когда язык приобрел характер заклятий, о чем написал Вяч. Иванов*, стоило вспомнить, что Флоренский говорил о двоеверии русского народа, что колдун и священник просто два разных департамента. Когда священник был резко отодвинут, то колдун оказался ведущим народной психеи. Умы, как когда-то говорилось, тесно связаны с народной душой. Появляется в России в эти годы из древних православных глубин течение «имяславия». Любопытно, что Степун называл большевиков «сектой-имяславцев». А Бердяев писал: «Революция — великая проявительница, и она проявила лишь то, что таилось в глубине России. Формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом. Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию»**.

Тема магизма возникает как актуальная тема в начале XX в. Магизм был постоянной темой человеческой культуры начиная с древности. Потом с победой христианства магизм ушел на периферию сознания. В XIX в. просыпаются идеи о «магии мудрецов», как писал Гете. Но это магизм чисто литературный, эстетский (скажем, маги в «Крошке Цахесе» Гофмана). Но следующий век к удивлению многих открыл магическое измерение в современной жизни, понимая это как отступление христианства. Сошлюсь на слова Эллиса (1914 г.): «Исторически, логически и психологически неизбежно было человечеству параллельно с утратой религии снова вернуться к магии и теософии, т. е. “древней мудрости”, к старым ее суррогатам, параллельно с утратой христианской религии вернуться к старым богам, <...> магическому натурализму и старым формам смещения древней языческой магии и теософии»***. И тут стоит

* «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское “сарынь на кичку”» (Иванов Вяч. Наш язык // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 356–357).

** Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 258.

*** Эллис. *Vigilemus!* Трактат // Эллис. Неизданное и несобранное. Томск: Водолей, 2000. С. 246.

К этому стоит добавить соображение Бердяева, высказанное уже много лет спустя после Октябрьской революции (1937), оно было в книге, адресованной западному читателю, но внятной его мысль становится лишь в российском контексте: «Очень интересна сама судьба слова “большевизм”. Первоначально это слово совершенно бесцветно и означает сторонников большинства. Но потом оно приобретает символический смысл. Со словом “большевизма” ассоциировалось понятие силы, со словом же «меньшевизм» — понятие сравнительной слабости. В стихии революции 1917 года восставшие народные массы пленялись “большевизмом” как силой, которая больше дает, в то время как “меньшевизм” представлялся слабым, он дает меньше. Скромное и мало значущее по своему происхождению слово “большевизм” приобрело значение знамени, лозунга, самое слово звучало сильно и выразительно»*. Андрей Синявский, подхватив эту мысль Бердяева, писал, что слова «большевик» и «советы» были очень созвучны российской народной ментальности, давая ощущение чего-то большого и заботливого. Ленин опирался на лозунги, меняя их соответственно политическому моменту. А лозунги есть не что иное, как заклинание «Да будет!». Да и все высказывания Ленина заклинательны. Вот знаменитая формула: «Учение Маркса всесильно, потому что верно». Логически высказывание бессодержательно, даже тавтологично. Но заклинательно, полно мощи. Для простолюдина такое высказывание вполне убедительно. Вроде есть внутри фразы объяснение посылки («потому что»), хотя это объяснение ничего не объясняет. Не объясняет, но совершает магическое действо «Да будет!». «Слушая первые ленинские речи, — вспоминал Степун, — я недоумевал: он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно <...> Лубок как основное стилистическое начало во всем его облике, в стиле мышления и ораторствования был. И этою стилистикой своего лубка он, безусловно, перекликался не только с подлинной мужицкостью, но и с подлинной народностью»**.

* Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 92.

** Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк IX (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология. Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 341.

Большевики использовали мифологические и магические формулы. Вот и победа. А Струве и его сотоварищи апеллировали к разуму. К народу Струве подходил трезво и рационально: «“Народ” в живой истории есть всегда какое-то становление, всегда не только ряд совершившихся и необходимых фактов, но и ряд возможностей, ведущих от границы необходимости к пределам невозможности. В известном смысле — и это очень важно твердить и внушать именно в наше время — “народ” творится, может и должен быть творим. Народ в эмпирическом смысле, народ-факт и неуловим, и неуложим ни в какие общие схемы, кроме самых бессодержательных, и потому не может служить никакой нормой, никаким законом. Таковым может быть только народ в метафизическом смысле, народ-идеал, народ-требование, народ-задание»*. А народ жил мифом и воспринимал себя в речах революционеров-большевиков вполне мифологически. В непонимании этого обстоятельства ошибка русских демократов-западников.

Стоит привести соображение современного исследователя, с которым не могу не согласиться и из которого следует причина расхождения Струве с так называемой народной стихией, которая сыграла решающую роль в схождении с ума России: «У Струве полностью отсутствует свойственный русской общественной традиции романтический интерес к “народной душе” и архаичным культам. “Народная культура” для него — сфера стихийности и натурализма. Она существует в разделении на “своих” и “чужих”, тем самым находится вне современной культуры. В ней еще много язычества и крепостничества, не знающего государственности и гражданства. По Струве, традиции внутриобщинного равенства в России препятствовали качественному росту народной культуры. Для Петра Бернгардовича творцом истинной культуры является личность, отделившаяся от народного, стихийного чувства и обогащающая народную культуру достижениями мировой культуры, тем самым переводя ее на более высокий *национальный уровень*. Преемственность живых культурных традиций Струве ищет в их высшем, еще не воплощенном состоянии, т. е. в “чистых формах”, имеющих характер внутренних потребностей становящейся нации»**.

* Струве П. Б. Познание революции и возрождение духа // Струве П. Б. Избранные сочинения. С. 355.

** Ананьев О. В. Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. СПб.: СПбГАВМ, 2009. С. 164.

Разумеется, Струве был далек от магического утопизма народной стихии. Его возможная утопия была вполне реалистическим расчетом. Беда и катастрофа XX в. оказалась в том, что рационализм оказался неосуществимой утопией, мечтой, фантомом, а фантом налился живой кровью уничтожаемых им жертв. И стал реальностью.

Надо сказать, что чуть позже Струве назвал историю XX в. творимым безумием. А безумие совсем недалеко от магии. 9 октября 1939 г. он написал Франку: «Если я оказался прав <...> в моем предвидении событий, то потому, что я с самого начала понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное. И я, вследствие этого, принял в расчет безумие, так сказать, как важнейший исторический фактор. Исцеление от безумия — дело не легкое: оно будет стоить много человеческих жизней и разбитых существований»*. Вспомним великую новеллу Томаса Манна «Марио и волшебник», когда только пуля смогла прекратить коварную магию, изнасиловавшую волю человека, доведшую его до безумия. Кстати, тот же Суханов, ругавший Струве за далекость от революции, вдруг почти на той же странице произнес слова о безумии творимого масса-ми нового мира: «Мы живем в каком-то сумасшедшем доме, где здоровые, честные и нормальные люди исходят в борьбе с буйными больными, систематически подстрекаемыми к нелепым самоубийственным действиям»**.

Безумие боится мысли. Струве эмигрировал сам. Но знаменитая высылка в 1922 г. за пределы России весьма многих выдающихся русских писателей и мыслителей была проведена по личному указанию Ленина. Видя растерянность независимых русских мыслителей перед фактом большевистской победы, художников и поэтов (Блока, Белого), принявших большевистскую революцию, Струве писал: «“Приятие революции” не только не выражает веры в русский народ, а, наоборот, означает глубокое неверие в способность русского народа побороть и преодолеть объективно-пагубный и злой факт своего величайшего духовного падения и материального

* Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 532.

** Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 254—255.

упадка»*. В 1923 г., всего через год после высылки писателей и философов, бывших гордостью и честью России**, Борис Пастернак в «Высокой болезни» произнес о Ленине странные слова, полные сервильности:

Он управлял теченьем мысли,
И только потому — страной.

При этом поэт понимал, что виною интеллектуальной катастрофы был именно этот человек: «Он позволил морю разбушеваться, ураган пронесся с его благословенья»***. Но управлял он, по ехидному комментарию Ю. П. Гаврилова в энциклопедии «Кирилл и Мефодий», мыслью кухарки, но не философов. Безумие охватывало и больших художников, пытавшихся найти самооправдание своей жизни при большевиках. Не все могли замкнуться в гордое презрение, как Ахматова, или трагическое неприятие мира, как Мандельштам, написавший в своем великом стихотворении «Ламарк» (1932) своего рода библейскую книгу, трагическое нисхождение в антиБытие. Господь создал человека (об этом книга «Бытие»), а сам человек (или антихрист) опустил себя, понижая шаг за шагом от человека до «кольчечов и усоногих»:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольчечам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,

* Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П. Б. Избранные сочинения. С. 323.

** И на Западе они сохранили духовную основу России. Это прекрасно понимал Струве, писавший о роли разных эмиграций (от эмиграции на Запад интеллектуалов разгромленной Византии до высылки русских мыслителей), говоря о невероятной пользе, которую приносили эмигранты приютившим их странам. Но, писал он, «значение русской “эмиграции” сейчас почти исключительно духовное и, как таковое, оно скажется в России в будущем» (Струве П. Б. Россия // Струве П. Б. Избранные сочинения. С. 335). Большевики рассчитывали, что они там замолчат, да и погибнут духовно, а может, и физически.

*** Пастернак Б. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1989. С. 694.

От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

.....

Он сказал: довольно полнозвучья, —
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.
И от нас природа отступила —
Так, как будто мы ей не нужны...

Ничего подобного, что поминает Мандельштам, в работах Ламарка не присутствует. У Ламарка была идея приспособления организма к изменению среды. Цитирую: «Если обстоятельства приводят к тому, что состояние индивидуумов становится для них обычным и постоянным, то внутренняя организация таких индивидуумов, в конце концов, изменяется. Потомство, получающееся при скрещивании таких индивидуумов, сохраняет приобретенные изменения, и в результате образуется порода, сильно отличающаяся от той, индивидуумы которой все время находились в условиях, благоприятных для их развития»*. У Мандельштама, разумеется, не изложение некой биологической теории, а внятная апокалипсическая историософия, созданная поэтом.

Судьба несгибаемого

Как пишет Колеров в Предисловии к тому избранных сочинений мыслителя (изданного, кстати, весьма неряшливо, с множеством опечаток), вся жизнь Струве в эмиграции «была полна общественно-политических неудач: возобновленный журнал “Русская Мысль” и юбилейный сборник в честь Струве не нашли спроса, идейная полемика привела к разрыву с некогда ближайшими учениками, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, А. С. Изгоевым, П. Н. Савицким, попытки подчинить свой либерализм монархической риторике и выстроить единый фронт с правыми националистами увенчались политическим одиночеством, заигрывания с идеологией фашизма подвергли серьезно-

* Ламарк Ж.-Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1955. С. 333.

му испытанию его репутацию»*. Несмотря на то что автор пытается странными и вполне невнятными риторическими фигурами («Главным успехом для мыслителя следует считать не процент полученных им голосов, а влияние»**) оправдать Струве, кажется, в оправдании он не нуждается, поскольку не было таких идейных разрывов и катастроф. Скажем, с Франком, несмотря на естественные временные расхождения на протяжении сорока шести лет, он остался нежным другом, о чем свидетельствует и их переписка, тянувшаяся до самых последних дней Струве. Не меньшее значение имеют и трогательные и мудрые воспоминания Франка о Струве, где он твердо настаивает на целостности позиции своего друга: «Зная его убеждения на протяжении всей его жизни, я решительно утверждаю, что никакого вообще переворота в них никогда не происходило. В самом *существовании* своих воззрений *он вообще не изменился* — от начала до конца он веровал в *одно и то же*. Если уже нужно — и поскольку вообще можно — определить то же в ходячем общем политическом термине это единое неизменное основное содержание его политической веры, то П. Б. следовало бы назвать либералом. От начала до самого конца своей жизни он в политической и публицистической деятельности, как и в своих научно-социологических и экономических убеждениях, был и остался сторонником *свободы* как основного определяющего положительного начала общественной жизни и культурного строительства»***.

Уже в сборнике «Из глубины» он кратко резюмировал свое понимание тех принципов развития, которые должны были бы сделать Россию могучей страной, не впасть в хаос и разрушение: «До недавнего времени в русском обществе был распространен, даже господствовал взгляд, по которому в России освобождение крестьян, к счастью, не было предварено дворянской или господской конституцией. Этот народнический взгляд как в его радикальной, так и в его консервативной (монархической) версии совершенно превратен. Историческое несчастье России, к которому восходит трагическая катастрофа 1917 г., обусловлено, наоборот, тем, что политическая реформа страшно запоздала в России. В интересах здорового национально-культурного

* Колеров М. А. Предисловие // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 5.

** Там же.

*** Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 563.

развития России она должна была бы произойти не позже начала XIX века. Тогда задержанное освобождение крестьян (личное) быстро за ней последовало бы, и все развитие политических и социальных отношений протекало бы нормальнее. Народническое же воззрение, гоняясь за утопией спасения России от “язвы пролетариата”, считало и считает счастьем России ту форму, в которой у нас совершилось освобождение крестьян. <...> У нас боялись развести сельский пролетариат и из-за этого страха не сумели создать сельской буржуазии. Лишь в эпоху уже после падения самодержавия государственная власть в лице Столыпина стала на этот единственно правильный путь. Но, упорствуя в своем реакционном недоверии к культурным классам, ревниво ограждая от них свои прерогативы, она систематически отталкивала эти классы в оппозицию. А оппозиция эта все больше и больше проникалась отщепенским антигосударственным духом. Так подготовлялась и творилась революция с двух концов — исторической монархией, с ее ревнивым недопущением культурных и образованных элементов к властному участию в устройении государства, и интеллигенцией страны, с ее близорукой борьбой против государства*.

После ухода в эмиграцию он долго пытался вести политическую борьбу с большевизмом, всего себя отдавая делу политики. На этом разошелся на время с ближайшим другом С. Л. Франком, не выдержавшим слишком энергичного политического напора Струве на друзей. Франк же отдалился от политики, чтобы заняться тем, что считал главным делом своей жизни — философией. Практически ежедневно Струве писал политические статьи в газетах. Он возглавил в Софии ежедневную газету «Возрождение», где вел раздел «Дневник политика». Аллюзия на «Дневник писателя» Достоевского очевидна. После закрытия «Возрождения» он основал газету «Россия», переименовав ее через два года в «Россию и славянство». Не было ни одной политической злобы дня, на которую бы он ни откликнулся. Но как политик он и ошибался много раз. Так, уже в 1932 г. он ожидал крушения гитлеризма и сталинизма, все зверства которых были еще впереди. А Струве, скажем, в газете «Россия и славянство» писал: «Теперь деспотия в лице Сталина как выразителя большевизма и ленинизма и демагогия в лице разнуздавшейся до мирового значения фигурки Гитлера терпят сокру-

* Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 466—467.

шительные поражения»*. Сугубо политический подход лишал порой его глубины и культурной прозорливости, о чем еще в 1921 г. писал ему как о потенциальной возможности Г. В. Флоровский: «Если сама *воля к культуре*, воля к творчеству будет заслонена злобою дня, внутреннее обнищание и духовная гибель станут неизбежны. Вот почему *культурно-философская рефлексия* мне представляется сейчас гораздо более важным и насущным *национальным делом*, чем текущая *политическая борьба*. Если задача государственного и экономического восстановления Великой России вытеснит из фокуса нашего сознания проблему русской культуры, то не только “белое” дело будет проиграно навсегда, но и окончательное одичание станет вопросом только времени и сроков»**. Сегодня можно сказать, что в полемике с евразийством Струве был более прозорливее, чем Флоровский, который много позднее заговорил об евразийских соблазнах. Правда, по сути дела, Флоровский был более прав. Но нельзя великого человека подвергать даже под ту линию, которую он сам для себя избрал.

Да, Струве стал прежде всего политиком. Но и в 1932 г. он формулировал свою позицию с прежней уверенностью и несгибаемостью, несмотря на поражение, но с большим пониманием произошедшего: «В России исторически масса населения не была приобщена к собственности и свободе. Собственность же есть основа и палладиум свободы и права.

Если масса населения была недостаточно приобщена к собственности и свободе, то, с другой стороны, верхушка общества: прежние привилегированные классы (дворянство) и позже народившиеся слои буржуазии, со включением так называемой интеллигенции, слишком привыкли жить **за хребтом государства**. Они не научились ответственности за государство как самостоятельные участники власти, как строители права и порядка. В момент революции *они находились еще всецело во власти не идеи, а мифа свободы* (курсив мой. — В. К.), то есть не умели отличить **свободу от своеволия**»***.

* Струве П. Б. Два заката: Сталина и Гитлера // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 717.

** Флоровский Г. Письмо П. Б. Струве о евразийстве // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: АГРАФ, 1998. С. 125.

*** Струве П. Б. Клич освобождения: реакции под личиной революции // Задорожнюк И. Е. П. Б. Струве: три малоизвестные работы // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 128.

Политический деятель силен не только тогда, когда он идет на поводу у массы, чтобы, взяв власть, навязывать этой массе свою волю, но и тогда, когда он остается верен основной задаче своей жизни: «Клич, под который мы собирались тридцать лет тому назад, **клич освобождения**, в наши дни не только не утратил силы и смысла, совсем наоборот, именно в наши дни, когда, пользуясь старой, вычеканенной еще в московскую эпоху выразительной формулой — Россия вновь “в пустошь изнурилась”, — этот клич стал окончательно непререкаемым, раскрыв всю полноту и красоту своего государственного содержания и человеческого смысла. Его возвышенная и суровая правда, требующая от лица в одно и то же время подчинения правопорядку и восстания за право и права, теперь запечатлена ужасным уроком той реакции, которая под личиной революции заморозила Россию в коммунистическом рабстве и советской нищете»*.

Разумеется, он не мог принять нацизм, на сговор с которым пошел Сталин, мечтавший «поделить шарик» с Гитлером. Франк — заслуживающий доверия свидетель: «Он с самого начала и без колебаний осудил национал-социализм, в котором большинство русских правых видело долгожданное спасение от большевизма; в противоположность им П. Б. усмотрел в демагогической литературе, принципиально отвергавшей начало личной свободы, опасного врага европейской культуры и во имя своего консерватизма восстал против разрушительных “правых” тенденций национал-социализма»**.

Можно, конечно, передернув исторические карты, сказать, что Великую Россию построили Ленин и Сталин. Но, во-первых, построили они деспотию под названием Советский Союз, во-вторых, сын пермского губернатора мечтал о другой державе, о другом величии страны, не о стране, которая страшит, пугает, как тамерлановское полчище, которая уничтожает миллионами своих собственных подданных, а о великой цивилизованной стране, стране мощной, могучей, но мощь которой основана на идее права, правопорядка, независимой личности, живущей не в нищете, а в достойном достатке.

* Струве П. Б. Клич освобождения: реакции под личиной революции. С. 129.

** Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 569.